

и многосторонних контактов и взяли двухгодичный перерыв. Не стоит забывать и о том, что в 1975 г. безопасность понималась в широком контексте.

А.А. Громыко о развитии компромисса

Для А.А. Громыко этот подход не был новым. Министр не исключал его в «плане Б»¹. По этой причине Андрей Андреевич не критиковал противоречия Хельсинки, а стремился подчеркнуть позитивные стороны достигнутого. 23 сентября 1975 г., выступая на Генеральной Ассамблее ООН, министр заявил: «Существенным вкладом в развитие сотрудничества между государствами-участниками Совещания являются договоренности, достигнутые по вопросам сотрудничества в области культуры, информации, контактов и образования, значение которых будет все более ощущаться по мере углубления и развития разрядки»².

Западногерманским партнерам А.А. Громыко заметил: «"Заключительный акт" Хельсинки создал долгосрочную основу для сотрудничества всех участников. Теперь необходимо наполнить [его] практической политикой»³. Он настоятельно рекомендовал позабыть трудности периода выработки хельсинкского компромисса и пояснял тем же западным немцам, что СССР и ФРГ удалось «хорошо поддерживать» контакты, доказа[ть] понимание друг друга и достигнуть единства по основополагающим вопросам»⁴.

Позднее в книге воспоминаний Андрей Андреевич сформулировал значение хельсинкского компромисса более емко. По его мнению, речь шла об идее «объединения усилий государств в пользу развития мирного сотрудничества в Европе»⁵ в условиях, когда «в подходе к проблеме безопасности на Европейском континенте нужна сугубая осмотрительность», поскольку «лицом к лицу стоя[ли] две самые мощные группировки государств – Варшавского Договора и НАТО» и «нельзя считать лишним ни один шаг, ведущий к снижению напряженности в Европе и к поддержанию мирных отношений между государствами»⁶.

Процесс развития компромисса предусматривал медленный и выверенный характер последующих действий, обусловил переход к поиску новых средств обеспечения прогресса в межгосударственных отношениях и двусторонних контактах, к комплексному и одновременному решению проблем разной сложности с разными

мировых хозяйственных проблем», обеспечение «содействия развитию устойчивых и справедливых международных экономических отношений», развитие торговли, «наука и техника».

¹ О «плане Б» см. подробнее: Синдеев А.А. А.А. Громыко и политика безопасности: настройка на Хельсинки. Современная Европа. 2023. № 4. С. 183–194. DOI: 10.31857/S0201708323040113.

² Цит. по: Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland: 1975. P. 1329.

³ Там же. P. 1603.

⁴ Там же. P. 1292. Ср.: [Филитов, 2023].

⁵ Громыко А.А. Памятное: Книга вторая. URL: https://bookscafe.net/read/gromyko_andrey-pamyatnoe_kniga_vtoraya-204638.html#p4 (дата обращения: 07.02.2024).

⁶ Там же.

по величине и значению государствами, потребовал наладить поддержку позитивных оценок Хельсинки [Biermann, 2012; Staden, 1990].

Рамочный характер хельсинских договоренностей и предстоящая активизация внешнеполитической работы усиливали МИД СССР и его главу. «Киссинджер, – делали вывод дипломаты ФРГ, – считает, что роль Громыко во внешней политике возросла»¹. С целью уменьшить возросшую роль министра иностранных дел СССР Г. Киссинджер начал жаловаться на «непреклонность Громыко» и искать возможность «[пере]говорить по важным вопросам не с Громыко, а с Брежневым»².

Достигнутый компромисс и его противоречия способствовали тому, что борьба за стратегию разрядки и ее инструментарий продолжилась в постхельсинский период. От министра иностранных дел СССР страна ожидала новых успехов и твердости. «Все наши успехи, – не без гордости говорил [отец] мне, – на переговорах, приведших к заключению важных международных договоров и соглашений, объясняются тем, что я был убежденно тверд и даже непреклонен, в особенности когда видел, что со мной, а значит, и с Советским Союзом, разговаривают с позиции силы или играют в “кошки-мышки”. Я никогда не лебезил перед западниками и, скажу тебе откровенно, после того, как меня били по одной щеке, вторую не подставлял. Более того, действовал так, чтобы и моему не в меру строптивому оппоненту было несладко», – читаем у сына Андрея Андреевича Анатолия Андреевича Громыко [Громыко Ан., 2009: 78].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Громыко Ал.А. (2019) Дипломатия позитивного действия. *«Война между государствами – великое зло»: к 110-летию А.А. Громыко*. Общ. ред. Ал.А. Громыко. Весь мир; ИЕ РАН, Москва. С. 84–102.

Громыко Ал.А. (2023) Европа между кризисом и стагнацией. *Европа в глобальной пересборке*. Общ. ред. Ал.А. Громыко. ИЕ РАН; Весь мир, Москва. С. 13–25.

Громыко Ан.А. (2009) *Андрей Громыко: Полет его стрелы. Воспоминания и размышления сына*. Научная книга, Москва. 444 с.

Загорский А.В. (2005) *Хельсинкский процесс: переговоры в рамках Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, 1972–1991*. Права человека, Москва. 447 с.

Филитов А.М. (2023) 1970–1972 и 1989–1990 гг. в советско-германских отношениях: сравнительный анализ. *Россия и современный мир*. № 1. С. 137–152. DOI: 10.31249/rsm/2023.01.09

Biermann H. (2012) U.S. Perceptions of the CSCE Process. *From Helsinki to Belgrade: the first CSCE follow-up meeting and the crisis of détente*. Ed. by V. Bilandžić, D. Dahlmann, M. Kosanović. V&R Unipress; Bonn Univ. Press, Göttingen, Germany. P. 143–162.

Böcker C. (2010) *Die Europäische Politische Zusammenarbeit – Struktur, Auftreten auf den KSZE-Verhandlungen, Mitwirkung bei der Schlussakte von Helsinki: Die aktive Teilnahme der EPZ-Staaten bei den KSZE-Verhandlungen und deren damit einhergehender Einsatz für die Menschenrechte haben zum Zerfall des Ostblocks beigetragen*. GRIN Verlag, München, Germany. 17 p.

¹ Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland: 1975. P. 577.

² Там же. P. 169.

Hildebrand K. (2012) *The Cold War as Détente. The Phenomenology of the World Community of Nation States in the 1970s. From Helsinki to Belgrade: the first CSCE follow-up meeting and the crisis of détente*. Ed. by V. Bilandžić, D. Dahlmann, M. Kosanović. V&R Unipress; Bonn Univ. Press, Göttingen, Germany. P. 25–38.

Jaeggi R. (2023) *Fortschritt und Regression*. Suhrkamp, Berlin, Germany. 252 p.

Kunter K. (2000) *Die Kirchen im KSZE-Prozeß 1968-1978*. Kohlhammer, Stuttgart, Germany. 262 p.

Peter M., Wentker H. (ed.) (2012) *Die KSZE im Ost-West-Konflikt: internationale Politik und gesellschaftliche Transformation 1975–1990*. Oldenbourg, München, Germany. 344 p.

Selvae D., Süß W. (2019) *Staatssicherheit und KSZE-Prozess: MfS zwischen SED und KGB (1972–1989)*. Vandenhoeck & Ruprecht, Göttingen, Germany. 757 p.

Staden B. (1990) *Der Helsinki-Prozess*. Oldenbourg, München, Germany. 66 p.

A.A. Gromyko and Security Policy: Helsinki compromise (to the 115th anniversary of A.A. Gromyko)

A.A. Sindeev

Doctor of Sciences (History), Professor of RAS

Chief Researcher, Institute of Europe, RAS

11-3, Mokhovaya St., Moscow, Russia, 125009

E-mail: a_sin74@mail.ru

Abstract. The article continues the study of the role of the Minister of Foreign Affairs of the USSR A.A. Gromyko in the formation, development and maintenance of security policy, its principles and structural elements. The subject of the article is the research of the preparation, content and prospects of the development of the Helsinki Compromise. On August 1, 1975, this compromise was enshrined in the final act of the Conference on Security and Cooperation in Europe. The article consists of four sections. The first section is dedicated to the problem of the connections between the Western interpretation of progress and the possible influence on the Western world. This problem will be scientifically examined in further articles. In the second section, the author proves that the main task of A.A. Gromyko in 1975 was to agree on the compromise as quickly as possible and then to begin with the main directions of cooperation between states. In the third section, the author analyzes the content of the compromise. In addition, the most important peculiarity (no existence of a common and specific project for all countries) is highlighted. In the fourth section, the author characterizes A.A. Gromyko's ideas about the prospects of the development of the Helsinki compromise. What is new is the interpretation of the CSCE decisions in 1975, the interpretation of the meaning and contradictions in the Gromyko system. The sources of the article are published documents of the Foreign Office of the Federal Republic of Germany, the use of which can be explained methodologically. It was important for the author to conduct the analysis on the basis of the foreign partners' assessment of the statements made by the Soviet Foreign Minister during official negotiations (outer reflection). The author's reasoning should be understood in the context of his earlier article in the journal.

Key words: Gromyko, security policy, foreign policy continuum, political strategy, political tactics, diplomatic strategy, diplomatic tactics, conference on security and cooperation

DOI: 10.31857/S020170832403015X

REFERENCES

- Biermann H. (2012) U.S. Perceptions of the CSCE Process, in Bilandžić V., Dahlmann D., Kosanović M. (ed.) *From Helsinki to Belgrade: the first CSCE follow-up meeting and the crisis of détente*, V&R Unipress; Bonn Univ. Press, Göttingen, Germany, pp. 143–162.
- Böcker C. (2010) *Die Europäische Politische Zusammenarbeit – Struktur, Auftreten auf den KSZE-Verhandlungen, Mitwirkung bei der Schlussakte von Helsinki: Die aktive Teilnahme der EPZ-Staaten bei den KSZE-Verhandlungen und deren damit einhergehender Einsatz für die Menschenrechte haben zum Zerfall des Ostblocks beigetragen*, GRIN Verlag, München, Germany.
- Peter M., Wentker H. (ed.) (2012) *Die KSZE im Ost-West-Konflikt: internationale Politik und gesellschaftliche Transformation 1975–1990*, Oldenbourg, München, Germany.
- Filitov A.M. (2023) 1970–1972 i 1989–1990 gg. v sovetsko-germanskikh otnosheniyakh: sravnitel'nyi analiz [1970–1972 and 1989–1990 years in the Soviet-German relationships: comparative analysis], *Russia and the modern world*, 1, pp. 137–152. DOI: 10.31249/rsm/2023.01.09 (In Russian).
- Gromyko A.I.A. (2019) Diplomatiya pozitivnogo deistviya [Positive Action Diplomacy], in Gromyko A.I.A. (ed.) “Voina mezhdru gosudarstvami – velikoe zlo”: K 110-letiyu A.A. Gromyko [“War between states is a great evil”: On the 110th anniversary of A. A. Gromyko], Ves' mir; IE RAN, Moscow, Russia, pp. 84–102. (In Russian).
- Gromyko A.I.A. (2023) Evropa mezdu krisison i stagnaziej [Europe between crisis and stagnation], in Gromyko A.I.A. (ed.) *Evropa v global'noj peresborke* [Europe in global reassembly], IE RAN; Ves' mir, Moscow, Russia, pp. 13–25. (In Russian).
- Gromyko A.I.A. (2009) *Andrei Gromyko: Polet ego strely. Vospominaniya i razmyshleniya syna* [Andrey Gromyko: The flight of his arrow. Memories and reflections of his son], Nauchnaya kniga, Moscow, Russia. (In Russian).
- Hildebrand K. (2012) The Cold War as Détente. The Phenomenology of the World Community of Nation States in the 1970s, in Bilandžić V., Dahlmann D., Kosanović M. (ed.) *From Helsinki to Belgrade: the first CSCE follow-up meeting and the crisis of détente*, V&R Unipress; Bonn Univ. Press, Göttingen, Germany, pp. 25–38.
- Jaeggi R. (2023) *Fortschritt und Regression*, Suhrkamp, Berlin, Germany.
- Kunter K. (2000) *Die Kirchen im KSZE-Prozeß 1968–1978*, Kohlhammer, Stuttgart, Germany.
- Selva D., Süß W. (2019) *Staatssicherheit und KSZE-Prozess: MfS zwischen SED und KGB (1972–1989)*, Vandenhoeck & Ruprecht, Göttingen, Germany.
- Staden B. (1990) *Der Helsinki-Prozess*, Oldenbourg, München, Germany.
- Zagorskii A.V. (2005) *Khel'sinskii protsess: peregovory v ramkakh Soveshchaniya po bezopasnosti i sotrudnichestvu v Evrope, 1972–1991* [Helsinki process: negotiations within the framework of Security meetings and cooperation in Europe, 1972–1991], Prava cheloveka, Moscow, Russia. (In Russian).

УДК 327

ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ИТОГИ РАЗВИТИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО ВЕКТОРА КИТАЙСКОЙ ИНИЦИАТИВЫ «ЛЕДОВЫЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ»¹

© 2024 НИКОЛАЕВ Николай Анатольевич

Младший научный сотрудник

*Институт мировой экономики и международных отношений
имени Е.М. Примакова РАН*

117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, д. 23

E-mail: nikolaev.science1993@gmail.com

Поступила в редакцию 14.02.2024

Принята к публикации 13.05.2024

Аннотация. В статье проанализированы итоги продвижения Китаем инициативы «Ледовый Шелковый путь» (ЛШП) (*биньшань сычоу чжилу*) в Арктике. Предпосылки разработки идейно-концептуальной основы ЛШП – усиление алармизма в конце 2000-х гг. из-за климатических изменений и объемов арктических ресурсов. В этих условиях в китайских экспертных кругах получила развитие идея «Арктика без льда» (*убин бэйцзи*). Смена партийно-государственного руководства Китая в 2012 г. и выдвижение Си Цзиньпином новых внешнеполитических идей «Пояс и путь» и «Сообщество судьбы человечества» оживили экспертный дискурс. В результате в 2017 г. была выдвинута инициатива ЛШП. Противодействие Запада и сужение инвестиционных возможностей Китая снижают перспективы расширения партнерского состава в рамках проекта. Сегодня ЛШП не признало ни одно арктическое государство, включая Россию. Интерес к совместной реализации инициативы проявляют только неарктические государства. Перспективы успешного продвижения инициативы ЛШП во многом зависят от успеха развития ее единственного европейского вектора, который базируется на транзитном потенциале Северного морского пути.

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития №075-15-2024-551 «Глобальные и региональные центры силы в формирующемся мироустройстве».

Ключевые слова: инициатива «Ледовый Шелковый путь», экспертный дискурс, «сообщество судьбы Арктики», Россия, российский Северный морской путь, Исландия, Гренландия

DOI: 10.31857/S0201708324030161

Предпосылки формирования идейно-концептуальной основы Ледового Шелкового пути

Предпосылки формирования идейно-концептуальной основы инициативы «Ледовый Шелковый путь» (ЛШП) лежат в изменениях представлений об Арктике в Китае. В 1990–2000-е гг. на восприятие региона оказали влияние иностранные и китайские прогнозы, результаты климатических наблюдений и исследований. С конца 2000-х гг. осмысливаются перспективы Китая в «Арктике без льда» (*an ice-free Arctic, убин бэйцзи*)¹. В конце 2000-х – начале 2010-х гг. эту идею популяризировали китайские СМИ. Например, в сентябрьском выпуске 2012 г. столичной газеты Коммунистической партии Китая «Новые пекинские новости» опубликован разбор экономических перспектив арктической навигации вследствие высвобождения ледового покрова Северного Ледовитого океана². 2013 г. символично назван рубежом перехода от «эпохи научного осмысления Арктики к эпохе ее экономического освоения» [Сунь, Чжан, 2017].

В конце 2000-х гг. китайские эксперты выдвинули первые оценки ресурсов Арктики. Определяющую роль в формировании представлений о запасах природных ресурсах сыграли доклад Геологической службы США³ [Сунь, Гу, 2012: 118; Дун, 2017: 67] и рост мировых цен на сырье, который страны, испытывающие сырьевой дефицит, восприняли в качестве угрозы национальной безопасности [Боровский, 2010: 209]. В конце 2010-х гг. Пекин стал воспринимать ресурсы Арктики как «один важнейших ресурсных запасов мира, значение которых продолжает возрастать» [Ли и др., 2019: 1420].

Доклады рабочих групп Арктического совета (АС) по перспективам арктического судоходства и консультации касательно положений будущего Полярного кодекса актуализировали изучение перспектив коммерческого освоения арктических морских путей [Лю, Ли, 2015: 4]. В середине 2000-х гг. в среде китайских исследо-

¹ «Арктика без льда» (*an ice-free Arctic, убин бэйцзи*) – гипотеза о первом годе без ледового покрова в 2030–2050 гг. [Luedtke, 2013; Diebold, Rudebusch, 2022].

² 无冰北极? [«Арктика без льда?»]. 新京报. 09.09.2012. (In Chinese). URL: http://epaper.bjnews.com.cn/html/2012-09/09/content_370796.htm?div=-1 (дата обращения: 23.06.2020).

³ Circum-Arctic Resource Appraisal: Estimates of Undiscovered Oil and Gas North of the Arctic Circle. the U.S. Geological Survey (USGS). USGS Report Fact Sheet 2008–3049. 2008. URL: <https://pubs.usgs.gov/fs/2008/3049/fs2008-3049.pdf> (дата обращения: 15.04.2020).

вателей получил развитие тезис о перспективах коммерческой эксплуатации арктических морских путей среди прочего для перевозки энергоресурсов в Китай [Жи и др., 2006: 65]. В конце 2000-х гг. ряд китайских экспертов прогнозировал к 2020 г. замещение арктическими морскими путями традиционных судоходных маршрутов. Объем грузов, перевозимых по новым коммуникациям, должен был составить 533,0 – 1,2 трлн долл. в год [Чжан и др., 2009: 86–87].

Пересечение Северного морского пути (Севморпуть, СМП) пятой китайской арктической экспедицией на ледоколе «Сюэлун» осенью 2012 г. и судном «Юн Шэн» китайской компании «Чайна Оушен Шиппинг (Груп) Компани» (*China Ocean Shipping (Group) Company, COSCO*) в августе – сентябре того же года способствовали развитию китайских исследований по вопросу использования арктических морских путей. Актуализация пиратской угрозы у восточных берегов Африки привела к повышению привлекательности СМП.

В начале 2010-х гг. сформировалось представление о преимуществах участия Китая в освоении арктических морских путей, которые включали диверсификацию традиционных транспортных маршрутов, снижение зависимости от Малаккского пролива, а также минимизацию пиратской угрозы [Ли, Ли, 2014: 1; Ли и др., 2019: 1420]. В начале 2010-х гг. выдвигались разные подходы к участию Китая в развитии арктических морских путей, в т. ч. «позиция за их интернационализацию» [Чжан и др., 2009: 86–91; Цянь, 2015: 38–43]. Выдвижение Си Цзиньпином осенью 2013 г. инициативы «Пояс и путь» («Один пояс – один путь») определило развитие дискурса в соответствии с новыми идейно-концептуальными рамками. Это подтверждает увеличение количества научных работ с 50 в 2012 г. до 101 в 2013 г. Около половины из них посвящены развитию арктического судоходства [Ли, Ли, 2020: 118].

Текущая версия идейно-концептуальной основы Ледового Шелкового пути

Основная тенденция новых китайских исследований – поиск способов сопряжения инициативы «Пояс и путь» с развитием арктического морского судоходства. Первые работы по этой теме появляются в 2015 г. [Лю, Ли, 2015: 4; Ли и др., 2015: 34–36; Ли и др., 2015].

С середины 2010-х гг. в китайской системе представлений об Арктике заметно возрастает значение российского фактора. В декабре 2015 г. РФ и КНР обозначили в совместном коммюнике по итогам 20-й регулярной встречи глав правительств заинтересованность в укреплении сотрудничества по развитию Севморпути и изучении возможности «осуществления полярных морских перевозок»¹. Эта договоренность,

¹ Совместное коммюнике по итогам 20-й регулярной встречи глав правительств России и Китая. Пекин, КНР. 17 декабря 2015 года). Сайт Азиатского исследовательского института Ноттингемского университета. С. 7. URL: <https://theasiadialogue.com/wp-content/uploads/2018/02/20151217-sovmestnoe-kommyunike-po-itogam-20-i-vstrechi-glav-pravv-rus.pdf> (дата обращения: 07.09.2020).

по словам посла Китая в России Ли Хуэя, положила начало формированию инициативы ЛШП¹. Однако стороны только продекларировали взаимную заинтересованность.

Впервые инициатива ЛШП была выдвинута в июле 2017 г. Си Цзиньпин во время встречи с премьер-министром Д.А. Медведевым предложил идею совместного сотрудничества в продвижении китайской инициативы на основе российского СМП. Эта версия проекта предполагает новый формат многостороннего сотрудничества в Арктике с тремя транспортными векторами: европейским (пролегающим через российский СМП до портов Западной Европы), североамериканским (через Северо-Западный проход до портов восточного побережья Северной Америки и Гренландии) и трансарктическим (через центральную часть Северного Ледовитого океана до европейских и североамериканских портов). ЛШП базируется на принципах взаимного уважения, равноправного сотрудничества, взаимной выгоды и устойчивого развития.

Реализация ЛШП активизировала дискуссии о его содержании, а именно: расширении партнерского состава, углублении европейского вектора, обеспечении ассоциации с идеей «Сообщество судьбы Арктики» и т. д. Мейнстримом в исследованиях стала связь ЛШП с утверждением в регионе позиций Китая как «околоарктического» государства и «важного заинтересованного государства – участника» [Дун, 2017: 72, 74; Янь и др., 2019]. Об оживлении научного интереса к ЛШП свидетельствует тот факт, что 46 из 153 опубликованных в 2018 г. научных работ и два выданных гранта по арктической тематике посвящены вопросам реализации Ледового Шелкового пути [Ли, Ли, 2020: 121].

ЛШП необходим, с точки зрения Пекина, для создания нового механизма регионального управления на основе идеи «Сообщество судьбы Арктики». Эта позиция закреплена в документах КНР². Для обеспечения связности реализации этих инициатив в Китае организовываются научно-экспертные мероприятия. Наиболее масштабным является ежегодный форум «Северный морской путь». Формирование

¹ Строительство «Одного пояса и одного пути» создает новые возможности. Интервью посла КНР в РФ Ли Хуэя. Сайт Посольства КНР в РФ. 14.11.2017. URL: <https://www.mfa.gov.cn/ce/cerus/rus/ztd/zentjln/t1510487.htm> (дата обращения: 06.02.2020).

² “中国的北极政策 (2018) 白皮书” (全文) [Белая книга Госсовета КНР «Политика Китая в Арктике»]. URL: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/37884/Document/1618193/1618193.htm> (дата обращения: 06.02.2020); 中华人民共和国国民经济和社会发展第十四个五年规划和2035年远景目标纲要 [Основные положения 14-го пятилетнего плана социально-экономического развития КНР с перспективными целями до 2035 г.]. 中华人民共和国国家发展和改革委员会. 03.2021. URL: <https://www.ndrc.gov.cn/xxgk/zcfb/ghwb/202103/P020210323538797779059.pdf> (дата обращения: 03.05.2022); 共建“一带一路”：构建人类命运共同体的重大实践 白皮书 [Белая книга «Совместное строительство «Пояса и пути»: важная практика формирования «сообщества судьбы человечества»]. 中华人民共和国国务院新闻办公室. 10.2023. URL: <http://www.scio.gov.cn/gxzt/dtzt/49518/32678/index.html> (дата обращения: 15.10.2023).

идейно-концептуальной основы «Сообщества судьбы Арктики» сопровождается спорами. В частности, отсутствует консенсус вокруг подходов к ее осуществлению.

Продвижение инициативы «Ледовый Шелковый путь»: основные факторы

Важное влияние на дальнейшее развитие идеи ЛШП оказали следующие события 2017–2018 гг.:

1) выступление в мае 2017 г. в Пекине на форуме «Один пояс, один путь» президента РФ В.В. Путина с предложением рассмотреть перспективы сопряжения российского СМП с инфраструктурными проектами в рамках ЕАЭС и инициативой «Пояс и путь»;

2) успех навигации восьмой китайской арктической научной экспедиции, пересекавшей в августе 2017 г. центральный фарватер Северного Ледовитого океана, а в сентябре – Северо-Западный проход;

3) публикация первых официальных документов по ЛШП, в т. ч. совместного документа Госкомитета по развитию и реформам КНР и Государственного океанологического управления КНР (ГОУ КНР) в июле 2017 г. и «белой книги» в январе 2018 г.¹;

4) первая успешная перевозка танкерами-газовозами в июле 2018 г. продукции СПГ из российского порта Сабетта («Ямал СПГ») без ледокольного сопровождения до портов КНР.

Эти события определили направление китайских усилий в развитии европейского вектора инициативы ЛШП, который во многом опирается на российский СМП. На официальном уровне Россия не признала инициативу Китая. Это обусловлено тем, что Москва заинтересована в развитии Севморпути во взаимодействии с Пекином, а именно стремится увеличить грузопоток морских перевозок через СМП и привлечь инвестиции на модернизацию транспортно-логистической инфраструктуры.

В октябре 2023 г. в Пекине это подтвердил В.В. Путин, выдвинув планы по созданию международных транспортных коридоров (МТК) «Север–Юг», которые свяжут порты СМП с логистическими узлами на побережье Индийского и Тихого океанов². Это означает, что Севморпуть может стать важной стратегической опорой формирования большого евразийского партнерства. Москва привержена принципам эксклюзивного характера арктического сотрудничества. В этой связи признание ЛШП противоречит российской позиции.

¹ “一带一路”建设海上合作设想 [Представления о морском сотрудничестве в строительстве «Пояса и Пути»]. 中华人民共和国国家发展和改革委员会. 20.06.2017. URL: <https://www.ndrc.gov.cn/xxgk/zcfb/tz/201711/W020190905503558343819.pdf> (дата обращения: 03.05.2022).

² Глава Российского государства выступил на церемонии открытия третьего Международного форума «Один пояс, один путь». Сайт Президента РФ. 18.10.2023 г. URL: <http://kremmlin.ru/events/president/news/72528> (дата обращения: 19.10.2023).

Попытки Китая расширить состав участников инициативы «Ледового Шелкового пути»

В конце 2010-х гг. наблюдался рост интереса Исландии, Финляндии и Гренландии к европейскому вектору ЛШП. Исландский форум «Арктический круг» стал ведущей площадкой, на которой Пекин активно презентовал инициативу. В 2017–2019 гг. Китай организовал два мероприятия под эгидой «Арктического круга». В октябре 2017 г. в рамках форума в Рейкьявике ГОУ КНР провело пленарную сессию «Место Арктики в инициативе “Пояс и путь”». На ней заместитель руководителя ведомства Линь Шаньцин (2016–2018) представил инициативу ЛШП как «новый драйвер развития международного сотрудничества в Арктике» и призвал заинтересованные страны присоединиться к реализации¹.

В мае 2019 г. концепция ЛШП стала основной тематикой девятого форума в Шанхае (четвертого – в неарктической стране) под лозунгом «Китай и Арктика»². Бывший президент Исландии Оулавюр Рагнар Гримссон (1996–2016) высоко оценил организацию форума и назвал его «историческим и самым масштабным арктическим мероприятием»³. Главное событие мероприятия – доклад спецпредставителя МИД КНР по арктическим делам Гао Фэна на тему «Ледовый Шелковый путь – великая взаимосвязь между Китаем и Арктикой», в котором ЛШП назван важной частью инициативы «Пояс и путь»⁴.

В 2020–2021 гг. в условиях пандемии *COVID-19* проведение форумов «Арктического круга» было приостановлено. На мероприятиях в Нууке (август 2022 г.) и Абу-Даби (январь 2023 г.) Китай не организовал ни одного мероприятия, а в 2021–2023 гг. в рамках ассамблей «Арктического круга» Пекин провел ряд сессий дистанционного и очного форматов. Китай организовал две онлайн-сессии по тематике ЛШП только на ассамблее «Арктического круга» в октябре 2021 года (первой после пандемии).

В 2022–2023 гг. Пекин отходит от продвижения ЛШП на мероприятиях «Арктического круга» в пользу усиления новой повестки по повышению дискурсивной

¹ Lin Shanqing, State Oceanic Administration, People's Republic of China, #ArcticCircle2017". YouTube. 30.12.2019. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=TOqWwXUuLSI> (дата обращения: 06.02.2020).

² Arctic Circle Forum "China and the Arctic". 10-11.05.2019. URL: <http://www.arcticcircle.org/forums/china> (дата обращения: 27.08.2020).

³ Ólafur Ragnar Grímsson – Full Opening Speech at the Arctic Circle China Forum. 23.04.2019. Channel of the Arctic Circle on YouTube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=BByASgDkb7c&list=PLI0a77tmNMvRtVZigfsnxybrgg8_9mNxU&index=39 (дата обращения: 23.06.2020).

⁴ China's Arctic Representative at the Arctic Circle China Forum - Full Speech. Channel of the Arctic Circle on YouTube. 22.08.2019. URL: https://www.youtube.com/watch?v=ynouODWI5pY&list=PLI0a77tmNMvRtVZigfsnxybrgg8_9mNxU&index=51 (дата обращения: 23.06.2020).

силы неарктических государств в региональном управлении. Например, на ассамблее в октябре 2022 г. КНР провела совместно с Японией, Исландией, Норвегией и Канадой сессии по вопросам развития китайских форматов взаимодействия в Арктике и осмысления роли стран – наблюдателей АС в региональном управлении. Гао Фэн не затронул тему ЛШП, но обозначил, что Китай продолжит сотрудничать как с Россией, так и с «арктической семеркой» в области развития полярных морских перевозок¹.

В марте 2023 г. Китай организовал три очные сессии в рамках Токийского форума «Арктического круга», посвященные научным и международно-правовым вопросам регионального управления и роли азиатских неарктических государств в регионе. На ассамблее 2023 г. совместные с Норвегией и Исландией сессии были посвящены вопросам регионального управления. Таким образом, тематика ЛШП во время пандемии была основной в мероприятиях «Арктического круга», однако в постковидный период актуальными становится вопрос участия Китая в региональном управлении в Арктике.

Запуск трансарктического вектора ЛШП невозможен в силу того, что маршрут покрыт многолетними льдами, североамериканского – из-за протеста Оттавы после несанкционированного пересечения ледоколом «Сюзелун» Северо-Западного прохода в 2017 г. и усиления американо-китайского противоборства в Индо-Тихоокеанском регионе. Канадские эксперты утверждают, что углубление российско-китайского сотрудничества в Арктике и рост противоречий КНР и США негативно влияют на Канаду и весь регион².

Реакция «арктической семерки» на реализацию инициативы «Ледового Шелкового пути»

В конце 2010-х гг. произошли структурные изменения в международно-политических условиях развития китайской политики в Арктике. Выступление в мае 2019 г. госсекретаря США Майка Помпео (2018–2021) с осуждением китайской активности в регионе³ заложило основу формирования антикитайской повестки арктической политики Вашингтона. Одним из первых шагов стала фактическая заморозка США вопроса участия китайских госкорпораций в проекте «Аляска СПГ».

¹ China and the Arctic: Engaging After the Global Pandemic. Arctic Circle's Channel on Youtube. 28.10.2022. URL: https://www.youtube.com/watch?v=qTtSOpKJ55A&list=PLI0a77tmNMvQ7sPBb_CvYfpg7IubafC1W&index=41 (дата обращения: 15.11.2022).

² NAADSN 2019-2022. North American and Arctic Defence and Security Network. 05.2023. URL: <https://www.naadsn.ca/wp-content/uploads/2023/05/NAADSNreport2019-22.pdf> (дата обращения: 10.08.2023).

³ Looking North: Sharpening America's Arctic Focus, Remarks, Michael R. Pompeo, Secretary of State, Rovaniemi, Finland, May 6, 2019. U.S. Department of State. URL: <https://www.state.gov/looking-north-sharpening-americas-arctic-focus/> (дата обращения: 05.02.2020).

Главный итог усилий администрации президента США Д. Трампа (2017–2021) – коллективная политика Запада по сдерживанию китайской активности в Арктике. В этом важную роль играют 6 западных арктических партнеров Вашингтона. Арктические партнеры Пекина (Исландия, Финляндия и Гренландия) воздержались от поддержки ЛШП. В итоге из числа арктических государств в рамках реализации Ледового Шелкового пути с Китаем взаимодействует только Россия, которая официально не признала инициативу.

Пик усиления американо-китайских споров по Арктике в начале 2020 г. совпал с пандемией *COVID-19* и началом президентства Дж. Байдена. При нем в 2021–2023 гг. прежний политический курс администрации Д. Трампа по усилению сдерживания китайской активности в Арктике был продолжен с акцентом на совершенствование нормативной базы и укрепление солидарности Вашингтона с партнерами и союзниками по НАТО. В национальной стратегии США по Арктике 2022 г. Вашингтон подтвердил озабоченность растущей экономической, политико-дипломатической, научной и военной активностью Китая в регионе и выразил обеспокоенность его амбициями¹.

В 2020-е гг. может возобновиться сотрудничество с Китаем по проекту «Аляска СПГ». В апреле 2023 г. администрация Дж. Байдена одобрила Корпорации развития газопроводов Аляски (*Alaska Gasline Development Corporation*) экспорт продукции СПГ в те страны, с которыми Соединенные Штаты не имеют соглашений о свободной торговле². К ним относятся тихоокеанские соседи США, а именно: страны Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (кроме Сингапура), Япония и Китай. Вероятно, что часть экспорта будет направлена в Китай, если будет достигнута соответствующая договоренность. Такое развитие событий может стать основой запуска североамериканского вектора ЛШП.

В период пандемии арктическая тематика в американо-китайских противоречиях замещается более приоритетными вопросами, такими как происхождение коронавируса и ситуации вокруг Гонконга и Тайваня. К середине 2020 г. с завершением острой фазы борьбы с *COVID-19* и началом восстановления экономики Китая происходит изменение соотношения приоритетности важнейших проблем развития. На первый план выходят протесты в Гонконге и американо-китайские отношения [Михеев, Луконин, 2021: 70]. Визит в августе 2022 г. спикера Палаты представителей США Нэнси Пелоси (2019–2023) в Тайбэй повысил значение тайваньского фактора.

В современных условиях Пекин вынужден был пойти на изменение соотношения приоритетности вопросов в китайской арктической повестке. Акцент смещен на вопросы участия и дискурсивной силы Китая в региональном управлении, а про-

¹ National Strategy for the Arctic Region. The White House. Washington. October 2022. P. 6. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/National-Strategy-for-the-Arctic-Region.pdf> (дата обращения: 18.12.2022).

² Department of Energy [Docket No. 14–96–LNG] Alaska LNG Project LLC; Order Affirming and Amending DOE/FE Order No. 3643–A Following Partial Grant of Rehearing. Office of Fossil Energy and Carbon Management, Department of Energy. Signed in Washington, DC, on April 26, 2023. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/FR-2023-05-01/pdf/2023-09159.pdf> (дата обращения: 03.08.2023).

блематика расширения экономического присутствия, в т. ч. продвижение ЛШП, отходят на менее приоритетные роли. Это подтверждается вовлеченностью Китая в международные арктические мероприятия начала 2020-х гг. и отражено в совместном заявлении РФ и КНР 21 марта 2023 г. Формулировка «развитие и эксплуатация арктических маршрутов», включаемая в российско-китайские коммюнике 2021 и 2022 гг., в документе не используется¹.

О новых тенденциях в российско-китайском взаимодействии по инициативе «Ледовый Шелковый путь»

В условиях пандемии *COVID-19* Китай сконцентрировался на углублении партнерства с Россией в Арктике. В 2020–2023 гг. углубление партнерства сводилось к развитию полярных морских перевозок через СМП и реализации крупных проектов по газодобыче в Арктической зоне России.

В ходе московских переговоров в марте 2023 г. В.В. Путин предложил Си Цзиньпину создать рабочую группу по СМП², в октябре этого же года в Пекине – призвал заинтересованные страны к совместному освоению транзитного потенциала.

Тезисы из пекинской речи о создании МТК «Север-Юг» наметили перспективы развития российско-китайского диалога по ЛШП. Российские предложения призваны связать европейскую, сибирскую и дальневосточную части СМП с портами на побережье Персидского залива и Индийского океана. В своей речи на форуме «Пояс и путь» Си Цзиньпин заявил о заинтересованности в создании логистических коридоров в Евразии и создании МТК³. На региональном уровне поступательно развивается дальневосточный транспортный коридор⁴.

Россия и Китай сотрудничают по проектам «Ямал СПГ» и «Арктик СПГ-2». Последние играют важную роль в оживлении арктических транзитных перевозок. В китайском дискурсе успех реализации ЛШП связывают с этими проектами⁵. На осу-

¹ Совместное заявление РФ и КНР об углублении отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху. Сайт Президента РФ. 21.03.2023 г. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5920> (дата обращения: 02.11.2023).

² Российско-китайские переговоры. Сайт Президента РФ. 21.03.2023 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70748> (дата обращения: 02.11.2023).

³ 习近平在第三届“一带一路”国际合作高峰论坛开幕式上的主旨演讲（全文）[Полный текст программного выступления Си Цзиньпина на церемонии открытия 3-го Форума высокого уровня по международному сотрудничеству в рамках “Пояса и пути”]. URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202310/content_6909882.htm (дата обращения: 02.11.2023).

⁴ Власти Якутии: мост Джалинда-Мохе сократит расстояние грузоперевозок в КНР. РИА Новости. 18.10.2023. URL: <https://ria.ru/20231018/gruzoperevozki-1903686341.html> (дата обращения: 02.11.2023).

⁵ 在北极圈感受“冰上丝绸之路”建设热度 [«Строительство «Ледового Шелкового пути» вызвало энтузиазм в Арктике». 新华网. 17.10.2023. URL: http://www.news.cn/world/2023-10/17/c_1129921112.htm (дата обращения: 02.11.2023).

ществование инициативы также влияет конфликт в секторе Газа. К одному из результатов реализации ЛШП следует отнести расширение партнерского состава, который дополнился Японией, Индией, Ю. Кореей, Сингапуром, Францией и ОАЭ.

Выводы

В текущей версии ЛШП больше заинтересованы внерегиональные (неарктические) игроки, чем арктические государства, от которых зависит успех проекта. Тем не менее вероятны корректировки содержательной части инициативы с учетом неблагоприятных условий развития взаимоотношений Китая с западными арктическими государствами. Продолжаются попытки связать проект с инициативой «Сообщество судьбы Арктики», которая встречает противодействие и критику со стороны коллективного Запада.

Пик усиления конфронтационных тенденций в американо-китайских отношениях приходится на 2019–2021 гг., период, который совпал с началом пандемии. Характер взаимоотношений Китая с «арктической семеркой» и политика «нулевой терпимости» к *COVID-19* вынудили Пекин сделать паузу в развитии европейского вектора ЛШП. В результате к 2023 г. наблюдаются замедление темпов продвижения инициативы и ее закрепление в рамках российско-китайского формата.

Успех развития европейского вектора инициативы будет зависеть от сотрудничества по созданию МТК, связывающих европейскую, сибирскую и дальневосточную части СМП с югом Евразии. В этом случае расширение партнерского состава инициативы может стать дополнительным подспорьем для развития обозначенных МТК. В 2020–2023 гг. в китайском дискурсе сохраняется оптимизм по поводу перспектив реализации ЛШП, что связано с углублением российско-китайского партнерства в Арктике. В 2022–2023 гг. произошло смещение акцента в китайской арктической повестке с продвижения Ледового Шелкового пути к повышению дискурсивной силы и уровня участия Китая в региональном управлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Боровский Ю.В. (2010) Проблемы доступа к энергетическим и иным сырьевым ресурсам. *Современные глобальные проблемы*. Отв. ред. В.Г. Барановский, А.Д. Богатуров. Аспект Пресс, Москва. С. 209–228.

Михеев В.В., Луконин С.А. (2021) Болевые точки Пекина. *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 65. № 1. С. 70–81. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-1-70-81>

Luedtke B. (2013) An ice-free Arctic Ocean: History, science, and scepticism. *Polar Record*. No. 51(2). P. 130–139. DOI: 10.1017/S0032247413000636

Diebold F.X., Rudebusch G.D. (2022) Probability assessments of an ice-free Arctic: Comparing statistical and climate model projections. *Journal of Econometrics*. Vol. 231. Issue 2. P. 520–534. DOI: 10.1016/j.jeconom.2020.12.007

孙凯, 张佳佳 (2017) 北极 “开发时代”的企业参与及对中国的启示 [Сунь Кай, Чжан Цзяцзя. Деятельность компаний в эпоху экономического освоения Арктики и урок для Китая]. *中国海洋大学学报(社会科学版)*. No. 2. P. 71–77. DOI: 10.16497/j.cnki.1672-335x.2017.02.013

孙凯, 郭培清 (2012) 北极治理机制变迁及中国的参与战略研究. [Сунь Кай, Гу Пэйцин. Изучение стратегического участия Китая в эволюции механизмов регулирования Арктики]. *世界经济与政治论坛*. No. 2. P. 118–128.

董利民 (2017) 中国“北极利益攸关者”身份建构 – 理论与实践 [Дун Лимин. Теория и практика формирования идентичности Китая как «заинтересованного государства-участника»]. *太平洋学报*. Vol. 25. No. 6. P. 65–77. DOI: 10.14015/j.cnki.1004-8049.2017.6.006

李振福, 李香栋, 彭琰, 鲍琦 (2019) “冰上丝绸之路”与北极命运共同体构建研究 [Ли Чжэнфу, Ли Сяндун, Пэн Ян, Бао Ци. Изучение «Ледового Шелкового пути» и строительства «сообществу судьбы Арктики»]. *社会科学前沿*. No. 8(8). P. 1417–1427. DOI: 10.12677/ass.2019.88194.

刘惠荣, 李浩梅 (2015) 北极航线的价值和意义: “一带一路”战略下的解读 [Лю Хуэйжун, Ли Хаомэй. «Значение и ценность арктических морских путей: с точки зрения стратегии «Пояса и Пути»]. *中国海商法研究*. No. 26(2). P. 3–10. DOI: 2096-028X(2015)02-0003-08.

张侠, 屠景芳, 郭培清, 孙凯, 凌晓良 (2009). 北极航线的海运经济潜力评估及其对我国经济发展的战略意义 [Ту Цзинфан, Го Пэйцин, Сунь Кай, Лин Сяоян. Оценка экономических перспектив морского судоходства в арктических путях и их стратегического значения для экономического развития Китая]. *中国软科学*. No. S2. P. 86–93.

李振福, 李漪 (2014) 北极航线的世界航运网络格局影响分析 [Ли Чжэнфу, Ли И. «Анализ влияния арктических морских путей на систему мирового судоходства»]. *世界地理研究*. No. 23(1). DOI: 10.3969/j.issn.1004-9479.2014.01.001

李振福, 李诗悦 (2020) 中国北极问题研究: 发展脉络、支撑体系和学科发展 [Ли Чжэнфу, Ли Шиюэ. Китайские исследования арктических проблем: общий контекст развития, механизмы поддержки и развитие отраслей знаний]. *俄罗斯东欧中亚研究*. 第5期. P. 113–132.

钱宗旗 (2015) 俄罗斯北极能源发展前景和中俄北极能源合作展望 [Цянь Цзунци. Перспектива развития арктических энергоресурсов России и российско-китайское сотрудничество взглядом в будущее]. *山东工商学院学报*. 第5期. URL: <https://www.sis.org.cn/lw/573.jhtml> (дата обращения: 02.11.2023).

李振福, 王文雅, 朱静 (2015) 北极航线在我国“一带一路”建设中的作用研究 [Ли Чжэнфу, Ван Вэнья, Чжу Цзинь. Исследование влияния арктических морских путей на продвигаемую Китаем инициативу «Один пояс – один путь»]. *亚太经济*. 第3期. P. 34–39.

李振福, 姚丽丽, 黄蕴青, 李漪 (2015) 简析北极航线战略作用范围下的中国海洋强国建设 [Ли Чжэнфу, Яо Лили, Хуан Вэньцин, Ли И. Обзорное изучение влияния стратегической значимости арктических морских путей на «становление Китая как сильной морской державы»]. *海洋开发与管理*. 第3期. DOI: 1005-9857(2015)03-0001-06

杨振蛟, 王梅, 郑泽飞 (2019) 北极航道开发与“冰上丝绸之路”建设的关系及影响 [Янь Чжэнсяо, Ван Мэй, Чжэн Цзефэй. Влияние и связь освоения арктической навигации и «строительства Ледового Шелкового пути»]. *中国海洋经济*. 第2期.

Preliminary Results of the Development of the European Direction of China's "Polar Silk Road" Initiative¹

N.A. Nikolaev

Junior Research Fellow

*Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations, Russian Academy of Sciences, (IMEMO RAS)*

23, Profsoyuznaya Str., Moscow, Russia, 117997

E-mail: nikolaev.science1993@gmail.com

Abstract. The article discusses the results achieved by China in promoting the "Polar Silk Road" (PSR) Initiative in the Arctic. The preconditions for the development of the ideological and conceptual basis of the PSR Initiative consisted of the growing alarmism in the late 2000s around the forecasts of climate change and the volume of Arctic resources. Under these conditions, the Western thesis of an Ice-Free Arctic (*wubin beiji*) was developed in China's expert community. China's leadership changes in 2012 and Xi Jinping's promotion of new foreign policy ideas of "Belt and Road" and "community of humanity's destiny" revitalised the expert discourse, reorienting it to form within a new conceptual framework. Under these condition in 2017 the PSR Initiative was launched. As a result of the West's counteraction, and narrowing of China's investment opportunities, the prospects for expanding the partnership within the framework of the PSR Initiative, which is still not recognized by any Arctic state, including Russia, are decreasing. Thus, Beijing's desire to focus on the implementation of two directions of China's policy in the Arctic is analysed: deepening Russia-China cooperation in the Arctic Zone of the Russian Federation and ensuring participation in dealing with issues related to the central part of the Arctic Ocean.

Key words: "Polar Silk Road" Initiative, expert discourse, Arctic Destiny Community, Russia, the Russian Northern Sea Route, Iceland, Greenland

DOI: 10.31857/S0201708324030161

REFERENCES

- Borovsky Y.V. (2010) Problemy dostupa k ehnergeticheskim I inym syrevym resursam [Problems of access to energy and other raw material resources energy and other raw material resources], in Baranovsky V.G. (ed.) *Modern Global Problems*, Aspect Press, Moscow, Russia, pp. 209–218. (In Russian).
- Mikheev V., Lukonin S. (2021) Beijing's Pain Points – 2 (Glance from mid-2020), *World Economy and International Relations*, 65(1), pp. 70–81. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-1-70-81> (In Russian).
- Luedtke B. (2013) An ice-free Arctic Ocean: History, science, and scepticism, *Polar Record*, 51(2), pp. 130–139. DOI: 10.1017/S0032247413000636.
- Francis X. Diebold, Glenn D. Rudebusch (2022) Probability assessments of an ice-free Arctic: Comparing statistical and climate model projections, *Journal of Econometrics*, 231(2), pp. 520–534, DOI: 10.1016/j.jeconom.2020.12.007.

¹ This article was prepared with the support of a grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for major scientific projects in priority areas of scientific and technological development No. 075-15-2024-551 "Global and regional centers of power in the emerging world order".

孙凯, 张佳佳 (2017) 北极“开发时代”的企业参与及对中国的启示 [Sun Kai, Zhang Jiajia. Corporate Participation in the Arctic “Development Era” and Implications for China], *中国海洋大学学报(社会科学版)*, 2, pp. 71–77. DOI: 10.16497/j.cnki.1672-335x.2017.02.013 (In Chinese).

孙凯, 郭培清 (2012) 北极治理机制变迁及中国的参与战略研究 [Sun Kai, Guo Peiqing, "Examining China's strategic involvement in the evolution of Arctic regulatory mechanisms], *世界经济与政治论坛*, 2, pp. 118–128. (In Chinese).

董利民 (2017) 中国“北极利益攸关者 身份建构 – 理论与实践 [Dun Limin, Theory and practice of shaping China's identity as an “interested party state”], *太平洋学报*, 25(6), pp. 65–77. DOI: 10.14015/j.cnki.1004-8049.2017.6.006 (In Chinese).

李振福, 李香栋, 彭琰, 鲍琦 (2019) “冰上丝绸之路”与北极命运共同体构建研究 [Li Zhenfu, Li Xiangdong, Peng Yan, Bao Qi, Research on "Silk Road on Ice" and the Construction of Arctic Community of Destiny], *社会科学前沿*, 8(8), pp. 1417–1427. DOI: 10.12677/ass.2019.88194 (In Chinese).

刘惠荣, 李浩梅 (2015) 北极航线的价值和意义: “一带一路”战略下的解读 [Liu Huirong, Li Haomei "The Value and Significance of Arctic Route: Interpretation under the "Belt and Road" Strategy"], *中国海商法研究*, 26(2), pp. 3–10. DOI: 2096-028X(2015)02-0003-08 (In Chinese).

张侠, 屠景芳, 郭培清, 孙凯, 凌晓良 (2009). 北极航线的海运经济潜力评估及其对我国经济发展的战略意义 [Zhang Man, Tu Jingfang, Guo Peiqing, Sun Kai, Ling Xiaoliang "Assessment of Maritime Economic Potential of the Arctic Route and Its Strategic Significance to China's Economic Development"], *中国软科学*, S2, pp. 86–93. (In Chinese).

李振福, 李漪 (2014) 北极航线的世界航运网络格局影响分析 [Li Zhenfu, Li Yi "An Analysis of the Impact of the Arctic Shipping Route on the Pattern of World Shipping Networks"]. *世界地理研究*, 23(1). DOI: 10.3969/j.issn.1004-9479.2014.01.001 (In Chinese).

李振福, 李诗悦 (2020) 中国北极问题研究: 发展脉络、支撑体系和学科发展 [Li Zhenfu, Li Shiyue, China's Arctic Research: General Development Context, Support Mechanisms and Development of Knowledge Industries], *俄罗斯东欧中亚研究*, 第5期, pp. 113–132. (In Chinese).

钱宗旗 (2015) 俄罗斯北极能源发展前景和中俄北极能源合作展望 [Qian Zongqi, Prospects for Russian Arctic Energy Development and Prospects for Sino-Russian Arctic Energy Cooperation], *山东工商学院学报*, 第5期. URL: <https://www.sjis.org.cn/lw/573.jhtml> (дата обращения: 02.11.2023). (In Chinese).

李振福, 王文雅, 朱静 (2015) 北极航线在我国“一带一路”建设中的作用研究 [Li Zhenfu, Wang Wenya, Zhu Jing, A Study on the Role of the Arctic Shipping Route in China's "One Belt, One Road" Construction], *亚太经济*, 第3期. P. 34–39. (In Chinese).

李振福, 姚丽丽, 黄蕴青, 李漪 (2015) 简析北极航线战略作用范围下的中国海洋强国建设 [Li Zhenfu, Yao Lili, Huang Yunqing, Li Yi, A Brief Analysis of China's Construction of a Maritime Power in the Scope of the Strategic Role of the Arctic Route], *海洋开发与管理*, 第3期, DOI: 1005-9857(2015)03-0001-06 (In Chinese).

杨振蛟, 王梅, 郑泽飞 (2019) 北极航道开发与“冰上丝绸之路”建设的关系及影响 [Yang Zhenjiao, Wang Mei, Zheng Zefei, The Relationship and Impacts of Arctic Shipping Route Development and the Construction of the Silk Road on Ice], *中国海洋经济*, 第2期. (In Chinese).

УДК 341

ГАРМОНИЗАЦИЯ МЕХАНИЗМОВ ОХРАНЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ В ПРЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫХ ТОРГОВЫХ СОГЛАШЕНИЯХ ЕАЭС

© 2024 ОНУФРИЕНКО Ксения Вячеславовна¹

Аспирант, МГИМО

119454, Россия, Москва, Проспект Вернадского, 76

E-mail: kseniia.onufrienko@gmail.com

Поступила в редакцию 01.08.2023

Принята к публикации 13.05.2024

Аннотация. В статье проанализирована проблема гармонизации права интеграционного объединения Евразийского экономического союза (ЕАЭС) по вопросам охраны интеллектуальных прав. Теоретическая значимость исследования состоит в установлении того, насколько эффективен механизм охраны интеллектуальных прав в ЕАЭС. В статье предложены способы повышения такого рода эффективности, для того чтобы у инвесторов были дополнительные гарантии соблюдения их прав. Методология исследования основана на позициях формально-догматического подхода к интерпретации нормативного материала с элементами социально-правового анализа, который заключается в оценке предлагаемых правовых новелл с прикладных позиций. В частности, учтен масштаб международного торгового сотрудничества ЕАЭС и рассматриваемой страны, выраженный в статистических данных по внешнеторговому обороту за 2021 г. В результате исследования сформулированы предложения по составлению преференциальных соглашений Евразийского экономического союза, что поможет максимизировать потенциал сотрудничества ЕАЭС с государствами, с которыми заключены такие соглашения.

Ключевые слова: ЕАЭС, преференциальные торговые соглашения, интеллектуальная собственность, международное право, международное сотрудничество, трансфер технологий

DOI: 10.31857/S0201708324030173

Темп производственных инноваций опережает правовые. Из-за фрагментарности правового регулирования контрагенты не всегда уверены в том, что их интеллектуальные права получают равнозначную охрану не только в юрисдикции, где

¹ Победитель Конкурса молодых международников СНГ имени А.А. Громыко 2023 г.

они инкорпорированы, но и в той, где используются технологии в рамках сотрудничества, предполагающего их трансфер¹.

В этой связи в исследовании проанализированы Договор о Евразийском экономическом союзе (Договор о ЕАЭС), Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) 1994 г., Конвенция, учреждающая Всемирную организацию интеллектуальной собственности (ВОИС), 1967 г., а также преференциальные торговые соглашения ЕАЭС (ПТС) с Вьетнамом, Ираном, КНР, Сербией и Сингапуром. Объект исследования – коллизии в подходах к определению понятия «интеллектуальная собственность» в международно-правовых соглашениях².

Заключение ПТС как средство углубления интеграции выступает предметом исследований различных областей научного знания. Последние междисциплинарные исследования демонстрируют различное значение этого правового механизма для создания благоприятных условий для осуществления взаимной торговли [Yao et al., 2021].

В соответствии с классификацией Всемирного банка³ большая часть изучаемых в исследовании стран относится к категории стран с высоким средним уровнем дохода (Сингапур – к странам с высоким уровнем дохода)⁴. Следовательно, для углубления региональной торговой интеграции и дальнейшего экономического развития необходимо не только устранить препятствия с допуском на рынок, но и повысить качество правоотношений в сфере торговли посредством гармонизации национальных механизмов охраны интеллектуальных прав.

¹ В статье под трансфером технологий понимается передача в рамках сотрудничества по совместному осуществлению хозяйственной деятельности одной стороной другой стороне различных ресурсов (а именно: оборудования, методологии, информации [Gottwald et al., 2013]) для воспроизведения последней технологического процесса, интеллектуальные права на отдельные элементы (или их комбинацию) по организации которого принадлежат передающей стороне.

² Предмет изучения – коллизии между различными международными соглашениями, а не между международными соглашениями и национальным законодательством отдельных государств.

³ Ученые классифицируют страны на основании показателей Всемирного банка. Модель предполагает следующие группы: страны с высоким уровнем дохода, со средним уровнем дохода (группа подразделяется на страны с низким средним уровнем дохода и с высоким средним уровнем дохода) и с низким уровнем дохода. Для стран с высоким уровнем дохода важнее качество взаимной торговли (например, количество контрафактной продукции можно сократить, установив единый подход к тому, что квалифицируется в качестве объекта интеллектуальных прав), тогда как для остальных групп – принципиальная возможность осуществления такой торговли, которая обеспечивается путем устранения существующих препятствий в допуске на рынок (например, путем отмены количественных квот на ввоз какого-либо вида товаров).

⁴ World Development Indicators. The World Bank. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (дата обращения: 31.07.2023).

Отсутствие ПТС региональных торговых гегемонов и необходимость подробной регламентации торговых отношений для минимизации сопутствующих рисков [Dadush, Dominguez Prost, 2023] определяют потребность в едином перечне охраняемых объектов интеллектуальных прав.

Данные об эволюции региональных особенностей заключения ПТС [Bhagwati, Panagariya, 1996] необходимо актуализировать исходя из того, с какими партнерами предстоит вести торговую деятельность, т. к. активизация взаимной торговли России со странами ЕАЭС позволит сократить риски, возникающие в результате глобальной трансформации мировой торговли в XXI в. [Мадиярова, Терлецкий, 2022].

Зависимость темпов экономического роста от наличия эффективных механизмов охраны интеллектуальных прав [Raizada, Dhillon, 2017] может быть изучена на примере сравнения перечней объектов, входящих в определение интеллектуальной собственности, в ПТС ЕАЭС. В перспективе уровень гармонизации охраноспособности объектов интеллектуальных прав в региональных масштабах¹ поможет определить, на каком этапе находится создание унифицированного торгового пространства [Ремчукова, 2015].

Методология исследования состоит из комбинации формально-догматического подхода [Напалкова, 2018] к интерпретации правовых норм и социально-правового метода [Blandy, 2014] для контекстуализации полученных данных.

Результаты исследования. Внутренний рынок ЕАЭС

Единообразие законодательств стран ЕАЭС обусловлено общностью их исторического развития и международно-правовыми соглашениями [Готов и др., 2017]. Основное направление деятельности по охране интеллектуальных прав – обеспечение их таможенной охраны [Шугурова, 2021].

Все государства – члены Союза одновременно выступают подписантами ТРИПС и договора о ЕАЭС. Эти документы содержат определение объектов интеллектуальной собственности, поэтому целесообразно сопоставить данные перечни.

Только Россия и Киргизия приняли поправки к ТРИПС, которые предусматривают механизм² обхода требования о получении лицензий на экспорт препаратов лекарственного назначения в ряде случаев. Для Армении, Беларуси и Казахстана даты принятия новой версии соглашения неизвестны³, а для стран ЕАЭС, не подписавших новую версию ТРИПС, оно действует на временной основе (на настоящий момент до 31 декабря 2023 г. с возможностью продления⁴). Тем не менее поправки

¹ Как один из аспектов создания единого внутреннего рынка ЕАЭС и ассоциированных стран (т. е. стран, с которыми заключены ПТС).

² Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights as Amended by the 2005 Protocol Amending the TRIPS Agreement. Article 31bis. URL: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/trips_e.htm (дата обращения: 31.07.2023).

³ Там же.

⁴ Amendment to the Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights (TRIPS) Factsheet. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/trips_e/tripsfactsheet_e.htm (дата обращения: 31.07.2023).

к ТРИПС не затрагивают определение перечня объектов интеллектуальных прав. В связи с этим коллизии между разными версиями соглашения не возникают.

Договор о ЕАЭС в части 2 раздела I Приложения № 26¹ содержит более широкий перечень по сравнению с тем, который закреплен в пункте 2 статьи 1 ТРИПС².

При этом перечень из Договора о ЕАЭС является открытым, а также в нем содержится прямое указание на то, что правовая охрана предоставляется в соответствии с международными и национальными правовыми актами. Следовательно, в данном случае нет противоречия между ТРИПС и Договором о ЕАЭС, а коллизии могут возникнуть только при различиях в национальном правовом регулировании.

Это позволяет сделать вывод о достаточном уровне гармонизации в сфере охраноспособности объектов интеллектуальных прав на наднациональном уровне.

Внешнее торговое сотрудничество ЕАЭС

На сегодняшний день ПТС ЕАЭС заключены с Вьетнамом, Ираном, КНР, Сербией и Сингапуром. На мировом уровне основным актом, который устанавливает правовые гарантии для охраны прав интеллектуальной собственности, – Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности 1994 г. Документ содержит определение перечня объектов, которые подпадают под определение интеллектуальной собственности.

Иран и Сербия не являются членами ВТО³ и подписантами ТРИПС ВТО⁴. Это означает, что режим охраны интеллектуальных прав в сфере внешнего торгового сотрудничества ЕАЭС неоднороден и для гармонизации подходов к определению перечня объектов интеллектуальных прав необходимо включить в соответствующие соглашения или перечень таких объектов, или отсылочную норму к договору, где он определен.

ЕАЭС – Вьетнам

Соглашение ЕАЭС с Вьетнамом⁵ содержит положения об охране интеллектуальных прав сторон. Основным выступает соглашение о функциональном прирав-

¹ Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 24.03. 2022 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.04.2023). URL: [\(https://rulaws.ru/acts/Dogovor-o-Evraziyskom-ekonomicheskom-soyuze-\(Podpisan-v-g.-Astane-29.05.2014\)\)](https://rulaws.ru/acts/Dogovor-o-Evraziyskom-ekonomicheskom-soyuze-(Podpisan-v-g.-Astane-29.05.2014)) (дата обращения: 31.07.2023).

² Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) от 15 апреля 1994 г. URL: https://wipo.int/edocs/lexdocs/treaties/ru/wto01/trt_wto01_001ru.pdf (дата обращения: 31.07.2023).

³ Members and observers of the WTO. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/cusval_e/cusval_map_iframe_e.htm?country_selected=OMN&optionSelected=1 (дата обращения: 31.07.2023).

⁴ Amendment of the TRIPS Agreement. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/trips_e/amendment_e.htm (дата обращения: 31.07.2023).

⁵ Free Trade Agreement Between the Eurasian Economic Union and its Member States, of the one part, and the Socialist Republic of Viet Nam, of the other part. 2015. URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/treaties/treaties-with->

нивании предоставления правовой охраны наименований мест происхождения товаров (в ЕАЭС) и географических указаний (во Вьетнаме). В перспективе предполагается автоматическое признание соответствующих прав правообладателей без необходимости проходить процедуру регистрации¹.

Селекционные достижения выделены как отдельный объект интеллектуальных прав в Договоре о ЕАЭС, но отсутствуют в ТРИПС, которое распространяется на Вьетнам (они охраняются в рамках патентного права [Зыонг, 2004]). Потенциалом для разногласий может выступать различный подход к определению селекционных достижений [Балашова, 2021], т. к. во Вьетнаме, несмотря на недавние изменения в законодательстве², выведение новых пород животных не включено в понятие «селекционное достижение» на законодательном уровне, в отличие от национальных законодательств государств – членов ЕАЭС.

ЕАЭС – Иран

С экономической точки зрения, Вьетнам и ЕАЭС составляют примерно одинаковую долю взаимного внешнеторгового оборота (порядка 1% по данным за 2021 г.³). С Ираном сотрудничество носит ярко выраженный асимметричный характер, т. к. для его внешнеторгового оборота доля торгового сотрудничества с ЕАЭС составила за данный период почти в 10 раз больше, чем доля сотрудничества с Ираном для внешнеторгового оборота Союза⁴.

ПТС с Ираном носит временный характер⁵. В соглашении нет отдельных разделов по вопросам интеллектуальных прав, что связано, скорее всего, с необходимостью установить основы для создания зоны свободной торговли, предусмотренные ВТО. Это означает, что вопросы охраноспособности объектов интеллектуальных

investment-provisions/3573/eurasian-economic-union---viet-nam-fta-2015- (дата обращения: 31.07.2023).

¹ Обзор ключевых положений Соглашения о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и Социалистической Республикой Вьетнам. 29.05.2015. URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/e97/Obzor-Soglasheniya-o-svobodnoy-torgovle-mezhdu-stranami-EAES-i-Vetnamom.pdf> (дата обращения: 31.07.2023).

² В закон Вьетнама «Об интеллектуальной собственности» Law № 50/2005/QN11 от 29 ноября 2005 г. были внесены правки в 2009 г. (Law № 36/2009/QN12 от 19 июня 2009 г.), 2019 г. (Law № 42/2019/QN14 от 14 июня 2019 г.) и 2022 г. (Law № 07/2022/QN15 от 16 июня 2022 г.). URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/12011#amendedBy> (дата обращения: 31.07.2023).

³ Внешняя торговля ЕАЭС с Вьетнамом по итогам 2021 г. ЕЭК. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/189/EAES_Vetnam.pdf (дата обращения: 31.07.2023).

⁴ Внешняя торговля ЕАЭС с Ираном по итогам 2021 г. ЕЭК. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/57a/EAES_Iran.pdf (дата обращения: 31.07.2023).

⁵ Interim Agreement leading to formation of a free trade area between the Eurasian Economic Union and its Member States, of the one part, and the Islamic Republic of Iran, of the other part. 17.05.2018. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/7bc/Interim-Agreement-EAEU_Iran_final.pdf (дата обращения: 31.07.2023).

прав в торговых отношениях Ирана и государств – членов ЕАЭС не урегулированы на международно-правовом уровне.

Особенностью соглашения выступает то, что снижение или устранение ввозных таможенных пошлин предусматривается для ограниченной номенклатуры товаров¹. В перспективе предполагается переход к полноформатной торговой зоне.

ЕАЭС – Китай

Торговое сотрудничество ЕАЭС с Китаем также характеризуется асимметрией, но в обратную сторону: Китай составляет долю во внешнеторговом обороте ЕАЭС, более чем в 6 раз превышающую долю ЕАЭС во внешнеторговом обороте Китая в 2021 г.² Соглашение с Китаем³ содержит положения по вопросам в сфере интеллектуальных прав. Основной акцент сделан на противодействии ввозу контрафактной продукции и охране наименований мест происхождения товаров (это понятие отсутствует в законодательстве Китая⁴), как и в случае со Вьетнамом. Кроме того, расширен перечень ситуаций, в которых использование товарного знака не его правообладателем считается нарушением законодательства (по сравнению с перечнем, установленным в Китае) и регламентируется процесс регистрации товарных знаков.

Соглашение с Китаем обладает одним существенным упущением в отношении селекционных достижений. На пространстве ЕАЭС, как уже было обозначено ранее, их охраноспособность гарантируется предоставлением патентных прав, однако законодательство Китая содержит запрет⁵ на предоставление патентов на результаты селекционных достижений.

Китай совершенствуют законодательное регулирование охраноспособности селекционных достижений в отношении новых сортов растений [Нои, 2019]. Однако механизмом для гарантирования охраноспособности селекционных достижений в

¹ Обзор ключевых положений Временного соглашения, ведущего к образованию зоны свободной торговли между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Исламской Республикой Иран, с другой стороны. 17.05.2018. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/abc/Broshyura_Vremennoe-soglashenie-S-Iranom.pdf (дата обращения: 31.07.2023).

² Внешняя торговля ЕАЭС с Китаем по итогам 2021 г. ЕЭК. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/718/EAES_Kitay.pdf (дата обращения: 31.07.2023).

³ Agreement of Economic and Trade Cooperation between the Eurasian Economic Union and its Member States, of the one part, and the People's Republic of China, of the other part. 2018. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/5b9/Tekst-angijskiy_-EAEU-alternate_-final.pdf (дата обращения: 31.07.2023).

⁴ Обзор ключевых положений Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой, с другой стороны. ЕЭК. 2023. URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/8c7/Broshyura-KNR.pdf> (дата обращения: 31.07.2023).

⁵ Article 25 of Patent Law of the People's Republic of China of the 1984. URL: <http://ipr.cupl.edu.cn/info/1871/11226.htm> (дата обращения: 31.07.2023).

ЕАЭС выступает предоставление патентов, в Китае он не предусмотрен, а на уровне рассматриваемых международных соглашений вопрос не урегулирован. Это свидетельствует о наличии пробела в правовом регулировании.

ЕАЭС – Сербия

Доля ЕАЭС во внешнеторговом обороте Сербии в 2021 г. в 15 раз больше, чем доля Сербии для Союза¹. Следовательно, присутствует асимметрия сотрудничества в пользу Сербии. ПТС² содержит положения об уравнивании статуса не подписавших ТРИПС стран с подписантами, что предполагает возможность определенной гармонизации.

Проблемы могут возникнуть из-за различных подходов к определению понятия «селекционные достижения» на национальном уровне, однако в законодательстве Сербии³ присутствует прямое указание на то, что породы животных могут быть запатентованы в качестве изобретений. Таким образом, коллизии по данному направлению сотрудничества не возникает.

В соглашении с Сербией максимально широко определен объект охраны (путем отсылки в части 1 статьи 16 к определению, данному в статье 2 конвенции ВОИС 1967 г.⁴), что минимизирует риски, связанные с невозможностью защиты интеллектуальных прав из-за исключения определенной категории из договорного определения. Тем не менее наименование мест происхождения товаров, которое не содержится в перечне конвенции и ТРИПС, целесообразно включить в соглашение с Сербией, как это сделано в соглашениях со Вьетнамом и с Китаем. Однако отсутствие не исключает охраноспособность соответствующих наименований.

ЕАЭС – Сингапур

Торговое сотрудничество с Сингапуром является симметричным и составило 0,4% от внешнеторгового оборота обеих сторон в 2021 г.⁵ 8 глава действующего

¹ Внешняя торговля ЕАЭС с Сербией по итогам 2021 г. ЕЭК. 2023. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/2e4/EAES_Serbiya.pdf (дата обращения: 31.07.2023).

² Free Trade Agreement between the Eurasian Economic Union and its Member States, of the one part, and the Republic of Serbia, of the other part. 2019. URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/56c/Agreement.pdf> (дата обращения: 31.07.2023).

³ Article 7 of The Patent Law (“Official Gazette RS” № 99/11, 113/17 – other laws, 95/18, 66/19 and 123/21). Unofficial consolidated version. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/19365> (дата обращения: 31.07.2023).

⁴ Конвенция, учреждающая Всемирную Организацию Интеллектуальной Собственности. Подписана в Стокгольме 14 июля 1967 г. и изменена 28 сентября 1979 г. URL: <https://www.wipo.int/treaties/ru/convention/> (дата обращения: 31.07.2023).

⁵ Внешняя торговля ЕАЭС с Сингапуром по итогам 2021 г. ЕЭК. 2023. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/b14/EAES_Singapur.pdf (дата обращения: 31.07.2023).

соглашения¹ посвящена вопросам интеллектуальной собственности. В документе (статья 8.2²) закреплено определение интеллектуальной собственности, которое отличается от обозначенного в отсылочной норме в части 1 статьи 16 соглашения с Сербией.

Обе стороны попадают под режим ТРИПС в силу взятых договорных обязательств, поэтому можно сравнить определение «интеллектуальная собственность» в соглашении между ними и в ТРИПС. В перечень объектов по соглашению с Сингапуром включены права на сорта растений – категория, которая отсутствует в перечне ТРИПС (но она есть в Договоре о ЕАЭС³ под наименованием «селекционные достижения»). Дополнение в статье 8.8 соглашения – исключение сортов растений из сферы охраны исключительно патентных интеллектуальных прав, им обязательно должна быть предоставлена охрана интеллектуальных прав *sui generis* или комбинация из альтернативных способов охраны.

В пункте 3 статьи 8.14 соглашения с Сингапуром закреплена возможность проведения переговоров по поводу охраны интеллектуальных прав какого-либо вида. Таким образом, перечень является открытым, что позволяет сделать вывод об удовлетворительном уровне гармонизации охраноспособности объектов интеллектуальных прав.

Включение в перечень объектов интеллектуальных прав положений по защите против недобросовестной конкуренции

В соглашениях с Сербией и Сингапуром обозначена возможность охраны интеллектуальных прав правообладателя от недобросовестной конкуренции, которая отражена в Договоре о ЕАЭС в разделе XVIII и в приложении № 19. В ТРИПС содержатся положения о недобросовестной конкуренции в отношении ограниченного перечня объектов интеллектуальных прав, а именно: охраны географических указаний и закрытой информации, договорных лицензий как механизма контроля за антиконкурентной практикой, при этом присутствует ссылка на Парижскую конвенцию 1967 г. (статья 10bis)⁴ в части об определении, что квалифицируется как недобросовестная конкуренция.

Включение в раздел по интеллектуальным правам положений о недобросовестной конкуренции продиктовано тем, что нарушение интеллектуальных прав может стать причиной для возникновения альтернативных внедоговорных обязательств:

¹ Free Trade Agreement between the Eurasian Economic Union and its Member States, of the one part, and the Republic of Singapore, of the other part. 2019. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/766/EAEU_Singapore-Framework-Agreement.pdf (дата обращения: 31.07.2023).

² Там же.

³ Договор о Евразийском экономическом союзе.

⁴ Парижская конвенция по охране промышленной собственности от 20 марта 1883 г. 14 июля 1967 г. была пересмотрена в Стокгольме, отсылка в тексте документа идет к соответствующей редакции.

из деликтных обязательств и из обязательств вследствие недобросовестной конкуренции [Крупко, 2018]. Такое включение предоставляет лицу, интеллектуальные права которого нарушены, право выбора в отношении механизма защиты интересов. Оно может быть реализовано путем отдачи преференции тому или иному способу в зависимости от того, что выступает более эффективным в его юрисдикции, однако целесообразно выделение соответствующих положений в отдельный раздел международных соглашений.

Выводы

Рассматриваемое правовое пространство в сфере охраны интеллектуальных прав можно охарактеризовать как гармонизированное, однако следует расширить перечень объектов охраны интеллектуальных прав, включаемый в ПТС, т. к. перечень в Договоре о ЕАЭС шире, чем в других международных соглашениях, на которые даны ссылки в существующих ПТС.

Правовые системы стран различны, поэтому могут существовать национальные особенности в определении объекта в качестве охраноспособного, что представляет риск непредоставления правовой защиты как минимум тем способом, который используется в ЕАЭС. Кроме того, необходимо включить в отдельный раздел соглашений положения об охране от недобросовестной конкуренции с более детальной регламентацией, чем в ТРИПС. В отношении Ирана востребована разработка проекта постоянного соглашения с учетом включения положения о распространении режима, установленного в ТРИПС, на Иран.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Балашова А.И. (2021) Особенности правового статуса субъектов прав на селекционные достижения. *Журнал Суда по интеллектуальным правам*. № 3(33). С. 178–184.

Глотов С.А., Губин А.Н., Слепко Г.Е., Губин М.А. (2017) Прикладные проблемы оптимизации защиты интеллектуальной собственности в ЕАЭС и Российской Федерации. *Современные информационные технологии и ИТ-образование*. № 13(3). С. 214–221.

Зыонг Т.Ж. (2004) *Правовая охрана новых сортов растений во Вьетнаме*. Дис. ... канд. юрид. наук. Российский государственный институт интеллектуальной собственности. Москва. 154 с.

Крупко С.И. (2018) Деликтные обязательства в сфере интеллектуальной собственности в международном частном праве. Статут. Москва. 279 с.

Мадиярова Д.М., Терлецкий М.В. (2022) Взаимная товарная торговля России со странами ЕАЭС в условиях глобальной трансформации XXI века. *Научные труды Вольного экономического общества России*. № 235. С. 345–356.

Напалкова И.Г. (2018) Формально-юридический метод как основа методологии юридического позитивизма. *Философия права*, № 3(86). С. 7–12.

Ремчукова В.К. (2015) Особенности распространения преференциальных торговых соглашений на современном этапе. *Региональные проблемы преобразования экономики*. № 8. С. 121–131.

Шугурова И.В. (2021) Направления совершенствования таможенной защиты прав на объекты интеллектуальной собственности в рамках ЕАЭС. *Журнал Суда по интеллектуальным правам*. № 3(33). С. 21–32.

Bhagwati J.N., Panagariya A. (1996) The Theory of Preferential Trade Agreements: Historical Evolution and Current Trends. *American Economic Review*. No. 86(2). P. 82–87.

Blandy S. (2014) Socio-legal approaches to property law research. *Property Law Review*. No. 3(3). P. 166–175.

Dadush U., Dominguez Prost E. (2023) Preferential Trade Agreements, Geopolitics, and the Fragmentation of World Trade. *World Trade Review*. No. 22(2). P. 278–294.

Gottwald J., Buch L.F., Leal Filho W. (2013) Technology Transfer. *Encyclopedia of Corporate Social Responsibility*. Ed. by S.O. Idowu, N. Capaldi, L. Zu, A.D. Gupta. Springer, Berlin, Heidelberg, Germany. P. 2503–2511. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-642-28036-8_673

Hou Y. (2019) Protecting New Plant Varieties in China and Its Major Problems. *Innovation, Economic Development, and Intellectual Property in India and China*. Ed. by K.-C. Liu, U.S. Racherla. Springer, Singapore, Singapore. P. 327–346. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-981-13-8102-7>

Raizada G., Dhillon S.S. (2017) Impact of Intellectual Property Rights on International Trade: Evidence from India. *Journal of Intellectual Property Rights*. No. 22. P. 200–210.

Yao, X., Zhang, Y., Yasmeeen, R., Cai, Z. (2021) The impact of preferential trade agreements on bilateral trade: A structural gravity model analysis. *PloS one*. No. 16(3). DOI: [10.1371/journal.pone.0249118](https://doi.org/10.1371/journal.pone.0249118)

Intellectual Property Rights Protection Mechanisms Harmonization in the EAEU Preferential Trade Agreements

K.V. Onufrienko

Postgraduate of the MGIMO

76, Vernadskogo avenue, Moscow, Russia, 119454

E-mail: kseniia.onufrienko@gmail.com

Abstract. In this article, the subject of scientific interest is the need to harmonize the Eurasian Economic Union (EAEU) legal frameworks on the protection of intellectual property rights as the rapid economic development of states cannot be achieved without effective international cooperation. The theoretical significance of this work is comprised by establishing how effective the mechanism for protecting intellectual property rights in the EAEU is at the moment, and the practical significance is in suggesting ways to increase the effectiveness of such protection so that investors have additional guarantees of their rights' protection. The research methodology is based on the formal dogmatic approach to the interpretation of existing regulatory material with elements of socio-legal research, which consists of evaluating the proposed legal novels at the viewpoint of their practical application, in particular, given the scale of international trade cooperation between the EAEU and the country in question, expressed by the means of the statistical data on foreign trade turnover for 2021. The main results of this study are proposals for drafting the preferential agreements of the EAEU, which is considered as a contribution to the scientific base of research on improving the regulatory frameworks of the EAEU and, from a practical point of view, will help to maximize the potential for cooperation between the EAEU and the states with which preferential agreements are concluded.

Key words: EAEU, preferential trade agreements, intellectual property, international law, international cooperation, technology transfer

DOI: [10.31857/S0201708324030173](https://doi.org/10.31857/S0201708324030173)

REFERENCES

- Balashova A.I. (2021) Osobennosti pravovogo statusa sub'ektov prav na selekcionnye dostizheniya [Distinctive features of the legal status of the selection achievements rights holders], *Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam*, 3(33), pp. 178–184. (In Russian).
- Bhagwati J.N., Panagariya A. (1996) The Theory of Preferential Trade Agreements: Historical Evolution and Current Trends, *American Economic Review*, 86(2), pp. 82–87.
- Blandy S. (2014) Socio-legal approaches to property law research, *Property Law Review*, 3(3), pp. 166–175.
- Dadush U., Dominguez Prost E. (2023) Preferential Trade Agreements, Geopolitics, and the Fragmentation of World Trade, *World Trade Review*, 22(2), pp. 278–294.
- Glotov S.A., Gubin A.N., Slepko G.E., Gubin M.A. (2017) Prikladnye problemy optimizatsii zashchity intellektual'noj sobstvennosti v EAES i Rossijskoj Federacii [Applied problems of optimizing the protection of intellectual property in the EEU and the Russian Federation], *Sovremennye informacionnye tekhnologii i IT-obrazovanie*, 13(3), pp. 214–221. (In Russian).
- Gottwald J., Buch L.F., Leal Filho W. (2013) Technology Transfer, in Idowu S.O., Capaldi N., Zu L., Gupta A.D. (ed.) *Encyclopedia of Corporate Social Responsibility*, Springer, Berlin, Heidelberg, Germany.
- Hou Y. (2019) Protecting New Plant Varieties in China and Its Major Problems, in Liu K.C., Racherla U.S. (ed.) *Innovation, Economic Development, and Intellectual Property in India and China*, Springer, Singapore, Singapore.
- Krupko S.I. (2018) *Deliktnye obyazatel'stva v sfere intellektual'noj sobstvennosti v mezhdunarodnom chastnom prave* [Tort liabilities in the field of intellectual property in international private law], Statut. Moscow, Russia. (In Russian).
- Madiyarova D.M., Terletskiy M.V. (2022) Vzaimnaya tovarnaya trgovlya Rossii so stranami EAES v usloviyah global'noj transformatsii XXI veka [Mutual commodity trade of Russia with the EAEU countries in the context of the global transformation of the XXI century], *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii*, 235, pp. 345–356. (In Russian).
- Napalkova I.G. (2018) Formal'no-yuridicheskij metod kak osnova metodologii yuridicheskogo pozitivizma [Technic method as a basis of the methodology of legal positivism], *Filosofiya prava*, 3(86), pp. 7–12. (In Russian).
- Raizada G., Dhillon S.S. (2017) Impact of Intellectual Property Rights on International Trade: Evidence from India, *Journal of Intellectual Property Rights*, 22, pp. 200–210.
- Remchukova V.K. (2015) Osobennosti rasprostraneniya preferencial'nyh trgovykh soglashenij na sovremennom etape [The typical features of the spread of preferential trade agreements in the modern period], *Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki*, 8, pp. 121–131. (In Russian).
- Shugurova I.V. (2021) Napravleniya sovershenstvovaniya tamozhennoj zashchity prav na ob'ekty intellektual'noj sobstvennosti v ramkah EAES [Directions for improving intellectual property rights customs protection within the EAEU], *Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam*, 3(33), pp. 21–32. (In Russian).
- Yao X., Zhang Y., Yasmeen R., Cai Z. (2021) The impact of preferential trade agreements on bilateral trade: A structural gravity model analysis, *PloS one*, 16(3). DOI: 10.1371/journal.pone.0249118
- Zyong T.Zh. (2004) *Pravovaya ohrana novyh sortov rastenij vo V'etname* [New plant varieties legal protection in Vietnam], PhD. Thesis, Moscow, Russia. (In Russian).

Журнал «Общественные науки и современность» – один из ведущих российских научных междисциплинарных изданий.

Учредитель – Российская академия наук. Журнал издаётся под руководством Президиума РАН.

«Общественные науки и современность» посвящён актуальным фундаментальным и прикладным исследованиям в социогуманитарных науках. На страницах журнала представлены статьи по политологии, международным отношениям и праву, экономике и социологии, философии и истории, культурологии и психологии.

«Общественные науки и современность» поддерживает самые высокие стандарты отбора материалов, их рецензирования, публикационной этики.

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК по специальностям:

08.00.00 – экономические науки;
22.00.00 – социологические науки;
23.00.00 – политология

Индексирование: **RSCI, РИНЦ**

ISSN (print): 0869-0499

Год основания: 1976

Импакт-фактор: 0,862

Подписной индекс: 70677

Периодичность: 6 раз в год.

